

ДОН НИГРО

СНЫ И ГРЕЗЫ
ИНСПЕКТОРА
РАФФИНГА

Дон Нигро Сны и грезы инспектора Раффинга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49590692

Сны и грезы инспектора Раффинга:

Аннотация

Дон Нигро. «Сны и грезы инспектора Раффинга/Inspector Ruffing's dreams». Пьеса-коллаж, состоящая из двух монологов и двух коротких, пьес объединенных Общим героем – инспектором Раффингом: «Твари на погосте/Creatures lurking in the Churchyard», «Демонология/Demonology», «Туманный лес/The Rooky Wood», «Русалка/Mermaid».

Английский инспектор Джон Раффинг получился настолько колоритным, что, написав первую пьесу «Рейвенскрофт» в 1995 г., Дон Нигро вновь и вновь возвращается к нему. Последняя пьеса, «Венская кровь», написана в 2019 г., но на этом сериал не закончится. Помимо вышеупомянутых, в него входят следующие полноразмерные пьесы: «Мефистофель», «Противосолонь», «Призраки». В России по частоте постановок «Рейвенскрофт» уступает только «Звериным историям».

Содержание

1	4
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

можно день за днем умерщвлять душу, делая вид, будто любви нет и не...

И хотя, разумеется, никакой надежды нет, тем не менее, остается странный призрак надежды, что все окажется дурным сном, что однажды утром ты проснешься, и она рядом, ты ощутишь ее теплое дыхание, а ее руки, самые прекрасные руки...

Ее лицо ты видишь. Оно снится. Ее лицо, плоть, глаза, такие глаза не забываются, и вроде бы приснившееся должно утешать, но это, конечно же, заблуждение, потому что на самом деле память – великая убийца душ.

Воспоминания – пытка. Жизнь – пытка.

Жизнь – это страдание. Страдание вызывается желанием. Исключив желание, исключается страдание. Но как избавиться от желания? Следовать восьмеричным путем¹. А что такое восьмеричный путь? Восьмеричный путь – это лабиринт. Можно следовать восьмеричным путем? В лабиринте восьмеричного пути так легко заблудиться. Страдание. Страдание.

Я пытался колоть дрова. Колка дров способствует тому, что ты сосредотачиваешься на тупом и довольно разрушительном действии, но не помогает. Одной физической усталости недостаточно.

¹ Восьмеричный путь – путь, указанный Буддой, ведущий к прекращению страдания и освобождению от сансары. Лежит, будучи срединным путём, посередине между приверженностью мирским удовольствиям и самоистязанием.

И если каждое мгновение бодрствования – агония, и даже во сне не знающий покоя разум показывает ее образы, лицо, тело, глаза, звучит ее голос, говорит, что она любит меня, а потом появляется еще образ, образ чего-то темного, какой-то темной, отвратительной твари, которая обнимает ее. Обнимает ее.

Чудовищно. Это чудовищно. Отвратительный божий мир. Он подцвечен великой красотой, любовью, нежностью, в достаточном количестве, чтобы заставлять нас желать, любить, волноваться, заботиться. И однако любовь, и однако любовь, которая все, в конце ни что иное, как агония, потому что любовь для любимого человека, а любимый человек смертен, и тогда твоя жизнь уже не жизнь.

Разложение. Представлять себе разложение любимого человека.

Итак. Мы снова возвращаемся к вопросу самоубийства. Или револьвера, который лежит на прикроватной тумбочке, или на столике в кабинете, или просто в кармане. Револьвер, который становится твоим ближайшим другом. Который может помочь тебе, как никто.

Разумеется, нельзя забывать о дочери.

Ребенке, которого ты тоже безмерно любишь. Ребенке, который теперь винит тебя, согласно своей логике горя, в предательстве, в отстраненности, что на самом деле было результатом действия сил, сил, которые пусть и не полностью вне твоего контроля, но, тем не менее, по большей части,

по большей части тебе все-таки не подвластны, если на то пошло...

В самых темных моих фантазиях демоны. В самых темных моих фантазиях Бог посылает их, чтобы мучить. Шагая прошлым вечером по погосту, мимо только что вырытой могилы, в темноте, я слышал их, шепчущихся в листьях, тварей, таящихся в темноте, источника самых изощренных, самых отвратительных пыток.

Она говорила, что любит меня искренне, от всего сердца? Или лгала? Потому что любимый человек несет в себе и семена твоей гибели. Если любовь умирает...

Давайте мыслить здраво. Что будет с ребенком, если отец приставит револьвер к виску, или сунет в рот, или нацелит в сердце, не знаю, что самое лучшее. Но в любом случае, что будет с ребенком? Что будет с ней?

Конечно, завещание уже написано. Сестры жены о ней позаботятся. Она их любят. Они отнесутся к ней хорошо, по-своему. Да, по-своему. И однако, останется память об отце, о том, как он бросил ее, об отвратительном зрелище в кабинете, кровь, всюду кровь... Да, желание нажимать на спусковой крючок сразу пропадает.

Разумеется, это невозможно. Нельзя так поступать с ребенком. Значит, как-то нужно продолжать жить. Но агония. Каждую секунду. Каждую секунду агония, которая выжигает, оставляя усталость, пустоту, пепелище.

Здесь уместно вспомнить Бога, в которого я не верю и не

верил с детства, а может, не верил и тогда. Думаю, даже тогда он был для меня воображаемым персонажем, столь же реальным, как одушевленные мягкие игрушки или игральные карты. Пиковая Дама для меня была более реальна, чем Бог. Да, как метафора, он могущественный. Но пустой. Там мне утешения не найти. Сплошная тишина.

В страдании и потери любимого человека мы видим темное лицо безумного, садистского Бога, которого не существует. Да. Не найти утешения в этом месте. Церковь – еще одна могила на погосте. Я – кладбищенский сторож. Я – темнота. И в тиканье часов ...

Мой отец был часовщиком. Я думаю о его мастерской и всех этих тикающих часах. Меня всегда успокаивало тиканье часов. Больше нет. Моим хобби было коллекционирование и ремонт старых часов. Теперь успокоения нет. Часы отмеряют моменты вечности в аду. В аду. Он был богом часовых механизмов. Создавал маленькие тикающие вселенные. Но они сбились с ритма. Потом остановились.

Форма, видите ли. Это все истории. Человек воплощает в жизнь историю. Пытается изменить историю, но история всегда сильнее своих персонажей, и она возвращает человека в его конкретный ад. Ты брошен. Ты заблудился. А боль от утраты вечная. И становится тебе только хуже. С течением времени агония усиливается.

Я наблюдал в саду за тремя толстыми белками. Она нарастили к зиме жирок. Одна сидела на дереве и смотрела на

меня. Маленькими глазками. Я улыбнулся, глядя на них. Я очень давно не улыбался. Их послал сюда...

Там. Там, у самой границе круга света. Одна из этих тварей. Демоны, приползшие с погоста. Я видел одного в облике большой черной крысы с красными глазами. Я видел красные глаза обезьяны, уставившейся на меня из угла. Но эти твари, эти отвратительные мучители, они наблюдают и ждут, всегда готовые всадить нож в живот и провернуть.

Чтобы завершить жизнь в той же манере, как завершается пьеса, ты должен удостоиться чести участвовать в ней. Или это беда, если состав пьесы, в которой...

Сюжет, мне говорят, всегда самое трудное. Найти должную концовку. Связать все свободные концы. Я видел мельницу, поскрипывающую в темноте. Я слышал трех ворон. Я видел воронов. Во тьме моих ночей, моих бесконечных ночей, среди дьявольского тиканья демонических часов, я слышал шепот, слышал шепот: когда-то она любила тебя, но теперь ушла. Когда-то она любила тебя, но теперь...

Я не верю в русалок, но они мне снились. Я видел ее на дне. Я видел ее там. И я ощущал такую пустоту, и я знал, что так будет вечно. Нет выхода из этого ада любви. Нет из него выхода.

Я ей говорил, я люблю тебя и буду любить вечно. Разве можно говорить такое человеку? Обещать любить вечно. Когда знаешь, что один может умереть. Или оба. Или умрет любовь. Или отвратительные, чудовищные твари, которые

таятся на погосте, придут, чтобы пожрать твою любимую, придут, чтобы пожрать любовь, оставив только ужасный обглоданный остов той, кто ранее была твоей любимой, которая любила тебя, которую любил ты и обещал любить вечно. Вечно, так я ей сказал. Тик-так, говорят часы. Белки крадутся по саду. Однажды на кухне мы читали дочери детскую книжку. Белки. Тикающие часы. Ночью я сижу на кухне и плачу. Взрослый мужчина плачет, в одиночестве, закрыв лицо руками.

Любая компания – иллюзия. Но это такая сладкая иллюзия. Такая драгоценная иллюзия. И при этом ты знаешь, что любимый человек смертен, что любовь смертна, что вечность – одно из значений смерти, а Бог – это только смерть. Тебя пожрут. Любимого человека пожрут.

Свести все к правильной концовке – самое страшное.

Вот так ты снова возвращаешься к вопросу о самоубийстве: стремлению унять боль, пусть даже ценой жуткого зрелища, которая увидит твоя дочь в кабинете, среди тиканья часов, тиканья часов...

Не существует способа должным образом передать все это. У человека, попавший в этот особенный, бесконечный ад, нет никакой возможности убедить другого поверить в его ад. Тот, кто не в аду, просто убеждает себя, что ничего такого быть не может, отрицает существование такого ада. А вот когда шоры спадают с его глаз, а они в какой-то момент спадают, и он видит ландшафт этого ада, в котором он все вре-

мя пребывал, у него уже нет никакой возможности донести это до остальных. Монады не имеют окон. С тем же успехом можно смотреть в темные зеркала.

Сюжет всегда самое трудное. Я провел жизнь, решая загадки и ремонтируя древние часовые механизмы. Я любил слишком сильно. Нежелательно это, любить слишком сильно. Привлекает демонов. А теперь, подойдя к концу, здесь, в этой комнате, с тикающими часами и револьвером, я обнаруживаю, что я...

Даже не задумывайтесь, а есть ли что-нибудь после жизни. Нет, я не думаю, что есть. Но вдруг есть? Вдруг я уже мертв, и это мой личный рай, в котором я останусь навечно. Что если приставив револьвер к виску и нажав на спусковой курок, ты обнаружишь, что ничего не изменилось, что после жизни тебе суждено вечно страдать от той же душевной боли, которую ты испытывал в концовке той самой пьесы – своей жизни?

Или если концовкой все и заканчивается, зачем тревожиться из-за возможных страданий дочери? Если смерть мозга есть и гибель вселенной, тогда уже не будет дочери, не то, что ее страданий, ибо завершение моих страданий принесет погибель и ей, и Лондону, и Афганистану, и всему живому. Но я не верю и в это. Потому что могу представить себе, как мир живет без меня, без моих знаний о нем. Меня найдут в этой комнате, с расплескавшимися по полу и стене мозгами. Она увидит это. И будет видеть в своей голове до

донца своих дней.

Так какой должна быть концовка? Жизнь – это страдание. Страдание вызывается желанием. Исключив желание, исключишь страдание. Но как избавиться от желания? Следовать восьмеричным путем. Что такое восьмеричный путь? Это лабиринт, в котором ты сбиваешься с пути. Это не ответ. Это ад. Ад – это все, и ад вечен. Человек просто должен страдать. Страдание – это все. Она создано из агонии.

Тикающие часы. Ночь в старом доме. На погосте шуршание в опавших листьях. Красные глаза проклятых.

(Свет меркнет. В темноте тикают часы).

2

В лесу найдена голая девушка. Не помнит ничего, но кто она, ни как попала в лес. Инспектор Раффинг пробует разобраться. В итоге выясняется, что она слишком много знает об умершей жене Раффинга и практически отождествляет себя с ней. А в конце появляется и Николас, самозванный демон из «Мефистофеля». Сюрреалистическая такая зарисовка, более всего похожая на кошмарный сон Раффинга.

ДЕМОНОЛОГИЯ

Действующие лица:

ИНСПЕКТОР РАФФИНГ
КЭТЛИН
НИКОЛАС

Поздний вечер осенью 1902 г. Окруженная сгущающейся тьмой комната с обычной мебелью: два деревянных стула, кровать, стол с небольшой лампой. По ходу пьесы становится темнее.

(Вечер. Маленькая отдельная палата в старом медицин-

ском центре, расположенном в небольшом городке. 1902 г. Кэтлин, молодая женщина чуть старше двадцати, в простом халате, сидит на деревянном стуле, смотрит в невидимое окно. В палате кровать, еще один стул, стол с небольшой лампой. Вечерняя тьма вокруг нее только сгущается. Из глубины сцены появляется инспектор РАФФИНГ. Ему 37 лет, выглядит он уставшим и изможденным. Какое-то время смотрит на нее, потом начинает говорить).

РАФФИНГ. Позвольте с вами поговорить? (Никакой реакции со стороны КЭТЛИН). Я – инспектор Раффинг. Вас не затруднит назвать мне ваше имя? (Никакой реакции). Врачи говорят, что со слухом у вас все в порядке. Вы говорите на английском? (Никакой реакции). Ничего, если я сяду? (Никакой реакции, он ставит стул в нескольких футах от нее, садится). Трудный выдался день. Хотя вам, вероятно, без разницы. (Смотрит в окно, в которое смотрит она). Милое местечко, правда? Дубы. Вороны. Уже темнеет. Дни становятся короче. Кто-нибудь может тревожиться о вас? Кому-нибудь нужно сообщить, что вы здесь? (Никакой реакции). Если вы предпочитаете писать, я принес блокнот и карандаш. Я знаю, они где-то есть. Ага, вот они. (Достает блокнот и карандаш, протягивает ей. Никакой реакции). Ладно, положу их на стол. Вдруг у вас возникнет желание что-то записать. Я нахожу полезным записывать свои мысли, когда у меня возникают мысли, а случается это нечасто, что для меня,

вероятно, и хорошо. Вы можете записывать, что угодно. Или что-то нарисовать. Вы умеете рисовать? Моя дочь рисует. И очень неплохо, между прочим. Вероятно, унаследовала этот талант у моей жены, потому что я не могу нарисовать и мухи. *(Ее взгляд чуть смещается к нему, тут же возвращается к окну)*. Что ж, вы это услышали и поняли, правильно? Сказать такое для полицейского инспектора – глупость, вы согласны? Видите ли, это часть моего коварного плана разговорить вас. Поэтому, если необходимо, я готов выглядеть глупцом. Это мало кто знает, но нас учат, как выглядеть совсем глупыми в чрезвычайных ситуациях. Просто я поднаторел в этом больше, чем многие. Дело-то простое, мы хотим знать, что с вами произошло. Не каждый день мы находим девушку, которая бродит по лесу в чем мать родила. Вы помните, что случилось? Вы помните, как вас нашли? Я говорил с охотниками, которые на вас наткнулись. Должен сказать, вы произвели неизгладимое впечатление на старика и его внуков. Думаю, теперь они будут совершенно иначе воспринимать охоту на кроликов. Прошу извинить, если мой тон кажется вам несерьезным. Не очень мне легко вести разговор в одиночку. Обычно я говорю не так и много, разве что с самим собой, и, похоже, именно это сейчас и происходит, хотя вы здесь. Я не знаю, как мне вас называть. Как мне вас называть? И в горле у меня пересохло от всей этой болтовни. Прошу извинить. *(Достает фляжку, пьет. Она бросает на него взгляд, отводит глаза)*. Вы мне ничего сказать не собираетесь? Вы-

пить тоже не хотите? Похоже, что нет. Меня могут выгнать со службы за то, что я пью при исполнении. Видите, какую я даю вам власть над собой. Теперь я от вас в полной зависимости. Так почему бы вам не пожалеть меня? Скажите хотя бы свое имя. Не желаете? Выглядите вы на двадцать с небольшим. Прекрасная юная женщина. У вас есть бойфренд, с которым вы хотите связаться? Нет. Parlez-vous Francias? La nez de votre grand-mere est un bibliotheque. *(Она улыбается)*. Ага. Вы улыбнулись. Я вас развеселил. Вы улыбнулись, потому что понимаете французский и знаете, что я сказал. Нос вашей бабушки – библиотека. Это ведь я сказал? Надеюсь, не сказал ничего непристойного. С иностранными языками у меня не очень. Что ж, теперь нам известно, что вы можете улыбаться. И я чувствую, моя жизнь потрачена зря не полностью. Во многом, но не полностью. *(Она отворачивается, смотрит в окно. Улыбка увядает)*. А может, мне начать говорить то, что первым приходит в голову? В последнее время я как-то от этого отвык. А потом вы будете говорить то, что первым придет в голову. Хорошо? Готовы? Не мальчик. *(Нет реакции)*. Девочка. *(Нет реакции)*. Кошка. *(Нет реакции)*. Собака. *(Нет реакции)*. Любовь. *(Нет реакции)*. Подтяжки. Сталагмиты. Стриптизерша. Женские панталоны. *(Она бросает на него короткий взгляд)*. Ладно, может, мне тогда полностью сочинить мой рапорт? Давайте поглядим. Зовут вас Антуанетта Фарквиттер. Вы гуляли по лесу со своим возлюбленным, когда появился медведь, сожрал

его и убежал, напялив на себя вашу одежду. Появились охотники, вы так смутились, что решили притвориться, будто не можете говорить. Потом вас привезли сюда, но вы не смогли придумать изящного способа вернуть себе дар речи, вот и ведете себя, словно дали обет молчания. Нет, все было не так? Наверное, не стоило мне выдумывать эти глупые истории. Наверняка с вами случилось что-то ужасное. Меня в последнее время отличает дурной вкус. Извините. Сегодня я начал пить раньше, чем обычно. Обычно я держусь до того момента, как проснусь. Но с выдержкой у меня все хуже. Еще раз извините. Вы заслуживаете более достойного полисмена. Такая жалость, что их нет. У вас удивительно прекрасные глаза, вы это знаете? Дайте мне какую-то зацепку. Врачи говорят, что физически вы в полном порядке. Несколько синяков, ничего серьезного, обычное дело, если бегаешь по лесу голым. Но я уверен, что-то крайне неприятное случилось с вами в этом лесу, и очень хочу выяснить, что именно. Если, к примеру, мужчина отнесся к вам неподобающим образом, мне бы хотелось узнать его имя. Тогда я заглянул бы к нему на огонек, случайно выбросил на улицу, извалял в грязи, а потом отволоч в участок. Вам нет нужды бояться. Если кто-то причинил вам зло, скажите столько мне, и, обещаю вам, я его найду и позабочусь о том, чтобы больше ни вы, ни кто-то еще, от не го не пострадают. Так что скажете? *(Она смотрит в окно)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.